

письмена

// единица хранения //

// собиратель //

// российское зарубежье //

// роспись //

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И. Бунин

**Ольга Васильева
Франсис Ришар**

Orientalia Петра Дубровского, *Ex Museo Petri Dubrovsky* **дипломата и коллекционера**

11 марта 1805 г. указом Александра I в Императорской Публичной библиотеке был образован отдел рукописей. Хранителем его назначен Пётр Петрович Дубровский.

Хорошо быть дипломатом. Служение на этом поприще позволяет увидеть дальние страны, расширить кругозор, поправить материальное положение, развить природные способности. А ещё можно заняться коллекционированием предметов иноземного искусства. Наш герой, Пётр Петрович Дубровский, так и поступил.

Уроженец Киева, выпускник Киево-Могилянской академии, прослуживший 5 лет в Синоде, он в 1777 г. оставляет столицу России и оказывается в столице Франции. Правда, сначала Пётр Петрович – лишь «церковник» при русской посольской миссии. Однако очень скоро, будучи под покровительством посланника и полномочного министра И.С. Барятинского, молодой человек переходит в дипломатическое ведомство и становится «актуариусом», а затем и секретарём-переводчиком посольства во Франции (до 1792 г.) и в Голландии (до 1795 г.), после чего состоит при миссии в Нижней Саксонии. За время службы Дубровский побывал также в Испании, Португалии, Бельгии, Англии и Германии.

Ольга Валентиновна Васильева – заведующая сектором восточных фондов отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

Франсис Ришар – заведующий отделом искусства ислама Музея Лувр (Париж, Франция).

Его библиофильская деятельность, начавшись ещё в России, буквально расцвела во Франции. На этой ниве молодой дипломат сразу добился значительных успехов. Он был комиссионером Екатерины II, покупал книги для А.Р. Воронцова и П.А. Строганова, водил к книготорговцам А.Г. Бобринского (23-летний сын Екатерины провёл в Париже 1785 г.), а позднее пересылал ему книги. В 1782 г. Дубровскому было доверено сопровождать графа и графиню Северных (великого князя Павла Петровича и его супругу) во время посещения ими букинистических и антикварных лавок Парижа.

Дубровский «не богат, но умел собрать прекрасную библиотеку и множество манускриптов на разных языках... Он знаком со всеми здешними библиотекарями и через них достаёт редкости за безделку, особливо в нынешнее смутное время», – писал в 1790 г. Н.М. Карамзин. Действительно, великая Французская революция

открыла перед секретарём посольства блестящие перспективы по части собирательства редкостей: рукописных и старопечатных книг, автографов известных лиц и других письменных исторических документов.

Секретарь-переводчик приобрёл значительное число рукописей из аббатства Сен-Жермен-де-Пре. Монахи-бенедиктинцы активно занимались историческими изысканиями и изданием древних текстов. Еще в XVII в. монахи этого аббатства Жан Мабийон стал основателем дипломатики, одной из вспомогательных исторических дисциплин. Другой бенедиктинец, Бернар Монфокон, издавший в 1708 г. книгу «Paleographia grescae», заложил основы современной палеографии. Библиотека аббатства, основанного в 558 г., создавалась в течение многих столетий и стала одним из главных книгохранилищ Франции. В первые годы революции аббатство было закрыто, монахи арестованы. В 1794 г. в здании библио-

теки произошёл пожар, уничтоживший все печатные книги. Сохранившиеся рукописи были перевезены в Национальную библиотеку. Первые сен-жерменские рукописи оказались у Дубровского не позднее 1777 г. В 1791 г. случилась крупная кража из этого хранилища, а в следующем году Дубровский приобрёл значительное число пропавших раритетов. В этой связи обращает на себя внимание близкое знакомство дипломата-коллекционера с д'Ормессоном

с д'Ормессоном де Нуазо, президентом Парижского парламента, библиотекарем Людовика XVI, а в 1790 г. – комиссаром по охране общественных памятников. Исследователи намекают, что тот или другой является организатором этой кражи. Как бы то ни было, именно д'Ормессону Дубровский оставил на хранение часть своей коллекции, когда в 1792 г. покинул Францию. В 1793 г. бывший королевский библиотекарь был арестован, а потом казнён. Помещённые д'Ормессоном в ломбард раритеты

русского дипломата были проданы с аукциона, при этом некоторые рукописи (судя по всему, их было немало) были выкуплены агентами Дубровского. Однако какая-то часть коллекции, во всяком случае инкунабулы, ушла в неизвестные руки. Неприятной особенностью смутного времени – опасности потерять имущество и даже жизнь – Дубровский подвергался не единожды. Увозя в Брюссель секретные посольские бумаги, он оставил в Париже не только рукописи, но и другое имущество, по большей части вскорости разграбленное. То же случилось и при спешном отъезде из занятой французами Голландии, когда Дубровский вывозил архив посольства «сквозь неприятельские армии в Гамбург». Весьма опасной была и «командировка» из Гамбурга в Голландию с целью вывезти оставшегося там советника посольства М.С. Новикова. А позднее Дубровский «был направлен

П.П. Дубровский.
Из собрания Государственного Эрмитажа.

к главнокомандующему российской армией в Голландии для секретной переписки реляций». Одним словом, жизнь дипломата имеет не только приятные стороны.

В 1800 г. Дубровский вернулся в Россию и сразу был уволен из Коллегии иностранных дел. Оказавшись в стеснённых обстоятельствах, он расстался с несколькими рукописями, однако не желал ни того, чтобы вся его коллекция распалась, ни того, чтобы она покинула пределы отечества. В феврале 1804 г. секретарь императрицы Марии Фёдоровны барон Людвиг фон Вольфоген сообщил ей о том, что «страстный коллекционер... намеревается предложить е.и.в. Императору план создания главного хранилища рукописей, наиболее прекрасным украшением которого явится его коллекция». Возможно, памятуя о своём эпизодическом знакомстве с вдовствующей императрицей, Дубровский хотел найти у неё поддержку.

Видимо, не без помощи ещё одного давнего знакомого – директора Императорских библиотек графа А.С. Строганова – план этот конкретизировался: нужно создать Депо манускриптов при ещё не открытой Императорской Публичной библиотеке. Проект, доложенный Строгановым Александру I, получил высочайшее одобрение.

Собрание Дубровского, содержащее около 900 кодексов (700 западноевропейских, более 100 восточных, 50 древнерусских, 20 греческих) и около 15 000 архивных материалов (документов и автографов исторических деятелей), было приобретено правительством на определённых условиях. Коллекция рассматривалась как капитал, с которого владельцу выплачивалась пожизненная ежегодная пенсия в размере 3 тыс. руб. Кроме того, Дубровский был восстановлен в Коллегии иностранных дел с выплатой компенсации в 15 тыс. руб. Он был также награждён орденом св. Анны 2-й степени и получил чин надворного советника.

Итак, отдел был организован, а коллекционер назначен его хранителем. Тем самым он не потерял возможности ежедневно любоваться своими сокровищами, получив при этом, кроме указанных выше благодеяний, жалованье и квартиру при библиотеке. Он занимался описанием своей коллекции и поступивших ранее рукописей. При нём в помещении отдела появились специальные шкафы, активно шли переплётные работы.

Однако деятельность Дубровского на посту хранителя продолжалась недолго.

Можно лишь догадываться, какие именно личные качества коллекционера-хранителя дали основания для его отставки.

Как сообщает печатный Отчёт библиотеки за 1808–1812 гг., директор библиотеки А.Н. Оленин принял «меры к отвращению пожарных и других несчастных случаев, могущих без того внезапно истребить как сокровище, вверенное жившему тогда в самом доме библиотеки хранителю рукописей, коллежскому советнику Дубровскому, так и всю библиотеку». При увольнении в апреле 1812 г. Дубровскому были пожалованы: «1) чин статского советника; 2) бриллиантовый знак ордена св. Анны 2-го класса; 3) к производимой ему пенсии... ещё по 1000 руб. серебром; 4) одновременно серебром же 2800 руб., употреблённые им на провоз сюда... второй партии его рукописей...; 5) ассигнациями 5000 рублей, издержанные им на обзаведение казённой квартиры...».

Последние годы жизни статский советник П.П. Дубровский постоянно болел. Не имея жены и детей, он проживал вместе со своей сестрой М.П. Чулошниковой и умер чуть ли не в бедности 9 января 1816 г.

Коллекция Дубровского не сохранилась единым комплексом: она была расформирована по языковому признаку. Большинство восточных рукописей оказалось

Сен-Жермен-де-Пре. Гравюра XIX в.

«Посвящение в сан патриарха коптов». Богослужебный сборник на коптском и арабском языках.

в основном собрании, описанном в печатном каталоге, вышедшем в свет в 1852 г. под редакцией академика Б.А. Дорна. (Далее в статье приводятся ссылки на этот каталог. – *Авт.*). Часто на принадлежавших

ему рукописях Дубровский оставлял запись на латыни: «*Ex Musaeo Petri Dubrowsky*» («Из музея Петра Дубровского»), но иногда такая запись отсутствует. Принадлежность же рукописи данному собранию можно ус-

XIV в. Александрия (?). Фронтиспис и заставка-унван выполнены в «мамлюкском» стиле.

тановить и по некоторым другим признакам: по переплёту красной кожи с золотыми диагональными полосами (изготавливались по заказу Библиотеки), по пометам предыдущих владельцев, коллекции ко-

торых были приобретены Дубровским, по маленькой наклейке с печатным номером на корешке или обложке. Во время проверок фонда по сумме внешних признаков и по указаниям в каталоге Дорна

были выявлены 103 рукописи, принадлежавшие Дубровскому. Тем не менее восстановление состава коллекции в полном объеме оказалось весьма затруднительным.

Следующим шагом стало сличение уже имеющихся данных с описаниями восточных материалов в старой инвентарной описи собрания. Однако, с одной стороны, не все рукописи Дубровского нашли в ней отражение, а с другой – краткого описания в инвентаре не всегда достаточно для отождествления рукописи. В результате нашей работы как в Российской национальной библиотеке, так и в Национальной библиотеке Франции, где хранятся старые инвентари аббатства Сен-Жермен-де-Пре, нам удалось установить принадлежность Дубровскому 147 восточных рукописей.

Каким образом попали восточные рукописи к русскому коллекционеру? Как уже упоминалось, одним из основных источников его собрания явилась библиотека аббатства Сен-Жермен-де-Пре. Бенедиктинцы интересовались не только латинскими и греческими документами и книгами: к концу XVIII в. в библиотеке аббатства скопились около 700 рукописей ближневосточного происхождения. Основу этого обширного собрания составили две коллекции.

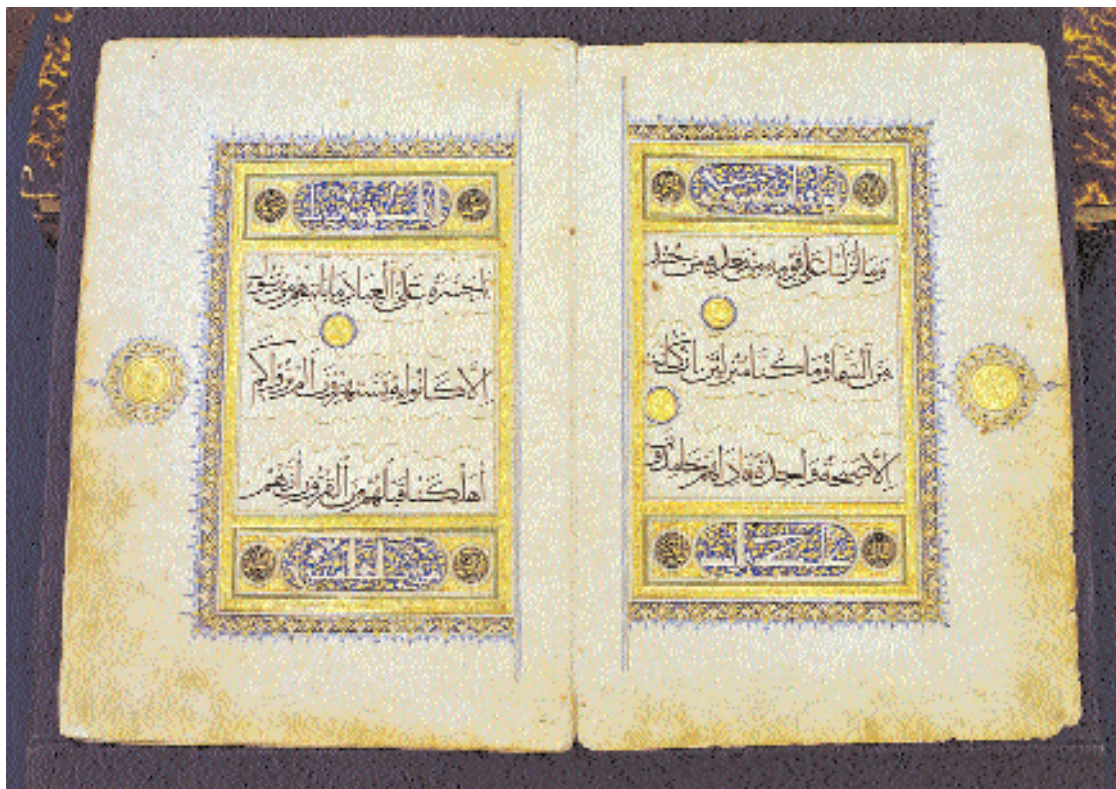
Первая из них принадлежала церковному деятелю и ориенталисту Эусебию

Ренодо (1648–1720). В состав его собрания (316 томов) вошла коллекция восточных рукописей, некогда принадлежавшая (1625–1695) королевскому переводчику и профессору Коллеж Руаяль в Париже Бартеlemi д’Эрбело, автору известного справочного издания «Bibliothèque orientale». Большую часть книг д’Эрбело приобрёл в Италии, где бывал неоднократно. Во Флоренции он купил на аукционе около 200 рукописей из коллекции братьев Веккьетти, которые не только сами приобретали манускрипты во время путешествий по Востоку, но и получили рукописи, предназначенные для издания.

Джамбаттиста Веккьетти интересовался рукописями Священного Писания, предполагая издать текст персидского перевода Ветхого и Нового Заветов. Список Четвероевангелия на персидском языке, переписанного, по всей вероятности, около 1605 г. в Индии для миссионера-иезуита Жерома Ксавье, был передан им Джамбаттиста Веккьетти. После смерти последнего до 1640 г. рукопись несколько раз меняла владельцев. Сперва ею владел Джероламо Веккьетти, затем д’Эрбело, великий герцог Этрури Козимо III, позднее Ренодо, по завещанию которого в 1720 г. она поступила в аббатство Сен-Жермен-де-Пре, далее она была приобретена Дубровским, и наконец в 1805 г. поступила в Императорскую

Коран. Джуз 29. X в. Египет. Пергамен.

Коран. Фрагмент. XV в. Египет (?). Развернутый фронтиспис в «мамлюкском» стиле.

Публичную (ныне Российскую национальную) библиотеку.

Ренодо сделал также несколько приобретений у преподавателя сирийского языка в Коллеж Руаяль Клодо Бери, экслибрисы которого наклеены на внутренние стороны крышек переплётков. К Дубровскому попали две его рукописи, в том числе сборник стихотворений андалузского поэта XIII в. Абу-л-Хасана аш-Шустари, переписанный в 1661 г. в Северной Африке (Дорн 137 Ил.).

Что касается второй значительной коллекции восточных рукописей из аббатства Сен-Жермен-де-Пре, принадлежавшей епископу Меца герцогу Анри Шарлю дю Камбоусту де Куалену (ум. 1732), то у неё были два источника – небольшая библиотека Ломени де Бриенна и замечательное собрание, доставшееся епископу по наследству от деда, канцлера Франции Пьера Сегье (1588–1672).

Сегье получал восточные рукописи из Каира от торговцев Жана Мажи и Франсуа Даниеля. В коллекции Дубровского есть шесть книг с шифрами каталога, составленного в 1657 г. монахом-капуцином Элеазаром де Санксаи. Так, иллюминированная коптско-арабская рукопись под шифром F1 (ныне – Дорн 627. Ил.) имеет небольшую красную сургучную печать

с буквами «FD» – инициалами Франсуа Даниеля – и написанную его рукой аннотацию: «Consécration du patriarche des Coptes» («Посвящение в сан патриарха коптов»). Таким образом, мы можем выстроить цепочку владельцев рукописи, начиная с середины XVII в.: Ф. Даниель – П. Сегье – его вдова – его внук епископ Куален – аббатство Сен-Жермен-де-Пре – П.П. Дубровский – Публичная библиотека.

Удалось установить принадлежность библиотеке Сен-Жерменского аббатства «пурпурного» Корана (Дорн 41. Ил.), не имеющего каких-либо записей. В Национальной библиотеке Франции хранятся четыре из пяти томов Корана, написанного такими же серебристо-белыми чернилами на бумаге «пурпурного» цвета. Судя по вкладной записи, Коран был подарен в 807/1405 г. неким Абд ал-Фаризом Абд ал-Азизом Мутавакилем в мечеть Альмохадов (или мечеть Касба) в Тунисе и во время войны императора Карла V против Туниса и Алжира (1535 г.) вполне мог оказаться во Франции.

Достоверно известно, что эти четыре тома принадлежали канцлеру Сегье, от внука которого перешли в библиотеку аббатства. Логично было бы предположить, что к Дубровскому попал недостающий в комплекте том. Однако при ближайшем

Саади Ширази. Куллийат (Собрание сочинений). XVI в. Шираз.

рассмотрении выяснилось, что петербургская рукопись состоит из нескольких разрозненных тетрадей, изъятых из всех четырёх томов, принадлежавших ранее Сен-Жерменскому аббатству и находящихся теперь в Национальной библиотеке Франции. Уже в Петербурге эти тетради были сброшюрованы вместе и переплетены в деревянные, обтянутые парчой крышки.

На 19 рукописях собрания Дубровского проставлены номера, подтверждающие их принадлежность аббатству Сен-Жермен-де-Пре. Эти номера (за одним исключением) совпадают с нумерацией в рукописном каталоге, известнейшего французского ориенталиста Сильвестра де Саси (1758–1838), включающем описание ближневосточных рукописей. Описания 10 утраченных аббатством рукописей, помимо 19 отнумерованных, вполне соотносимы с наличествующими у Дубровского. Таким образом, можно сделать вывод, что с учетом «пурпурного» Корана, у Дубровского имелось не менее 30 рукописей из библиотеки аббатства.

Среди них следует упомянуть 29-й джуз Корана, написанный на пергамене куфическим письмом в X в. и украшенный золотыми орнаментированными виньетками (Дорн б. Ил.), а также списки сочинений известных персидских по-

этов. Самой старой персидской рукописью из собрания Дубровского является «Диван» Азери, переписанный в 890/1485 г. на европейской бумаге с филигранями (Дорн 472). Эта рукопись, по всей видимости, создана в Турции, что ещё раз говорит о популярности персидской литературы за пределами ираноязычных территорий. Из книг, переписанных в Персии, отметим украшенный миниатюрами ширазский список «Куллийата» Саади (Дорн 363. Ил.), «Ру-

Коран. Фрагмент. Ок. 1400 г. Северная Африка. Бумага окрашена искусственным красителем под пурпур. В микроскоп видно, что краситель состоит из трёх компонентов – красного, синего и жёлтого, в то время как натуральный пурпур однороден. Чернила серебряные и золотые.

Нравоучительное сочинение на тамильском языке.
XVIII в. Пальмовые листья.

байат» Омара Хайяма XVI в. (Дорн 473) – единственный в РНБ список четверостиший столь любимого в Европе поэта. Обращает на себя внимание поэма «Юсуф и Зулейха» Джамии в копии XVI в. (Дорн 433), проткнутая кинжалом или шпагой.

Вполне возможно, что у Дубровского было больше сен-жерменских рукописей, чем те 30, которые мы выявили, поскольку в каталог Сильвестра де Саси попали не все ближневосточные материалы. Кроме того, в аббатстве вполне могли храниться материалы на языках Дальнего Востока и Индии, не имеющие описаний.

Во всяком случае, в собрании Дубровского их немало, и неизвестно, откуда они поступили.

У Дубровского, видимо, были и другие возможности приобретения манускриптов. На двух рукописях Дубровского имеются владельческие записи на арабском языке, свидетельствующие о принадлежности Этьену Леграну, учившемуся в 1730-е гг. в Константинополе и служившему драгоманом в Триполи и Алеппо (ныне Халеб, Сирия). Это «Бустан» персидского поэта Саади (Дорн 379) и турецкий сборник, содержащий, помимо прочего, описание посольства Мухаммада-эфенди ко двору Людовика XV в 1720 г. (Дорн 601). Эти рукописи Дубровский мог приобрести на книжном рынке Парижа, поскольку коллекция Леграна была продана с аукциона.

Одну книгу – автограф «Маньчжурской грамматики» Антона Владыкина (Дорн 601) Дубровский получил в подарок от автора. (Об Антоне Владыкине см.: «Восточная коллекция», № 1/2003. – *Примеч. ред.*)

К сожалению, мы пока не можем сказать как, когда и у кого приобрёл коллекционер остальные восточные рукописи. А среди них немало интересных по содержанию и замечательных по оформлению экземпляров. С точки зрения искусства книги наибольший интерес представляют Кораны: фрагмент Корана, оформленного в «мамлюкском» стиле XV в. (Дорн 10. Ил.), «подарочный» список – восьмиугольная

Абу-л-Хасан аш-Шуштари, арабский поэт XIII века из Андалусии.
Сборник стихотворений. 1661 г., Северная Африка.

книжечка в зелёном бархатном футлярчике (Дорн 35. Ил.) и свиточек в золотом цилиндрическом футляре (Дорн 37. Ил.). На нём выгравированы вензель-тугра турецкого султана Мустафы III (прав. 1757–1774) и дарственная надпись лорда Камельфорда – правда, не сказано, кому лорд сделал такой изящный подарок.

Стоит отметить персидское историческое сочинение о победах Тимура «Зафар-нама» Шараф ад-Дина Йазди в списке 982/1574 г. (Дорн 296) и рукопись 936/1529 г., содержащую поэмы «Махзан ал-асрар» Низами и «Тухфат ал-ахрар» Джами (Дорн 349). Интерес представляют также два альбома: китайских рисунков и образцов каллиграфии (Дорн 789) и альбом индийских рисунков бенгальской школы (Инд.н.с. 20). Последний альбом, судя по записи на этикетке, был привезён генерал-губернатором Бенгалии Гамильтоном.

Обращает на себя внимание не только преобладание мусульманских книг, но и значительное число индийских рукописей на пальмовых листьях (например, Дорн 891. Ил.), а также китайских ксилографов. Определённый интерес представляют два листочка из рукописной книги: на японском языке в латинской графике излагается история Девы Марии, несколько фраз написаны на испанском. Запись на бумажной обложке гласит, что это – автограф Франсуа Ксавье, известного миссионера-иезуита (Дорн 859. Ил.). В 1765 г. иезуиты в Париже подверглись гонениям, их библиотеки и архивы исчезли.

Трудно объяснить, почему не знавший восточных языков русский дипломат в европейской стране активно собирал восточные манускрипты. Нет данных, указывающих на особый интерес коллек-

ционера к культуре Востока, да и подбор рукописей говорит скорее о случайном, нежели о целенаправленном коллекционировании. Скорее всего на вопрос, почему около 15 процентов кодексов собрания Дубровского составляют материалы на восточных языках, следует ответить следующим образом. В конце XVIII в. во Франции имели хождение значительное число рукописей восточного происхождения, и состав собрания Дубровского отразил состояние антикварного книжного рынка.

Интересно заметить, что не только Публичная библиотека начала формировать свои восточные фонды с привезённых из Франции рукописей (причём, в основном арабографичных). Основанный в 1818 г. Императорский Азиатский музей сразу же приобрёл 500 мусульманских рукописей, а в 1825 – ещё 200 рукописей, принадлежавших французскому генеральному консулу в Алеппо и Триполи Ж.Л. Руссо. Фактически это собрание и положило начало обширным фондам музея (ныне Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН).

В России интерес к коллекционированию рукописей, во всяком случае восточных, возник значительно позднее, чем во Франции. Процесс накопления памятников письменности начался на рубеже XVIII–XIX вв. и проходил весьма интенсивно в XIX в. Вполне возможно, что появление коллекции Дубровского в Петербурге в значительной мере способствовало пробуждению интереса российского общества и, что весьма важно, российских императоров к письменным памятникам Востока. За простым любопытством к чужеземной экзотике пришло понимание необходимости изучения многообразной культуры и истории стран Востока.

Ex Museo Petri Dubrovsky

Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St.-Petersbourg / [Ed. par B.A.Dom]. SPb., 1852.

Елагина Н.А. Золотые россыпи: Пётр Дубровский и его коллекция // Невский библиофил: Альманах. СПб., 2003. Вып. 8.

Воронова Т.П. П.П. Дубровский – первый хранитель «Депозитов манускриптов» Публичной библиотеки // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981. XXIV 177/83; 84.